

«ДОКТРИНА ОГРАНИЧЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА» В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ СССР И ЕЕ ПЕРЕСМОТР (1956–1989 гг.)

А.С. Стыкалин

Аннотация. Потребность в формировании советской доктрины внутриблоковой политики, направленной на удержание под военно-политическим контролем СССР стран Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшихся в сфере его влияния по итогам Второй мировой войны, и не исключавшей силовых методов при решении этой задачи, возникла еще в 1950-е гг., особенно в связи с событиями осени 1956 г. в Венгрии, однако эта политика потребовала своего особенно развернутого идеологического обоснования только в 1968 г., когда была предпринята крупномасштабная военная акция пяти стран – участниц Организации Варшавского договора (ОВД) по подавлению «Пражской весны». Концепция советской внешней политики в отношении союзников СССР по блоку, которая нашла выражение в программных выступлениях 1968 г., получила на Западе определение как «доктрина ограниченного суверенитета», или доктрина Брежнева. Польский кризис 1980–1981 гг. продемонстрировал те объективные пределы, которые стояли на пути практического применения этой доктрины. С приходом к власти в СССР в 1985 г. М.С. Горбачева и его команды советское руководство пошло на пересмотр принципов своей внутриблоковой политики, однако не было склонно оказывать давление на коммунистических лидеров Восточной Европы в деле переоценки ими тех или иных конкретных фактов силового вмешательства союзников во внутренние дела соответствующих стран. Официальный пересмотр советской концепции, утверждавшей принцип коллективной ответственности за происходящее в одной из стран-союзниц по блоку, произошел в декабре 1989 г., после «бархатной революции» в Чехословакии.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, Восточная Европа, советский блок, Организация Варшавского договора, доктрина коллективной ответственности, доктрина ограниченного суверенитета, венгерские события 1956 г., Пражская весна 1968 г., польский кризис 1980–1981 гг., М. Горбачев, распад мировой системы социализма.

“THE DOCTRINE OF LIMITED SOVEREIGNTY” IN THE EAST EUROPEAN POLICY OF THE USSR AND ITS REVISION (1956–1989)

A.S. Stykalin

Abstract. As early as in the 1950s, especially in connection with the events of the fall of 1956 in Hungary, the need appeared for the formation of the Soviet doctrine of intra-bloc policy aimed at keeping under the military-political control of the USSR (if it was necessary – by force) the countries of Central and South-Eastern Europe, which fell under its influence as the result of the Second World War. However, this policy demanded its detailed ideological foundation as late as in 1968, when a large-scale military action was undertaken by five member countries of the Warsaw Pact to suppress the “Prague Spring”. The concept of the Soviet foreign policy towards the bloc allies, which was reflected in some program manifestations of 1968, as defined in the West as the doctrine of limited sovereignty or the “Brezhnev doctrine”. Polish crisis of 1980–1981 demonstrated the objective limits that stood in the way of the practical application of this doctrine. With the coming to power of Mikhail Gorbachev and his team in 1985 the Soviet leadership launched a revision of the principles of its policy towards the allied countries but it was not inclined to exert pressure on the communist leaders of Eastern Europe to reassess the specific facts of the Allies’ military intervention in the internal affairs of these countries. The official revision of the Soviet concept, which affirmed the principle of collective responsibility for what is happening in one of the bloc’s allied countries, was announced on December 1989, after the “velvet revolution” in Czechoslovakia.

Keywords: USSR foreign policy, Eastern Europe, Soviet bloc, Warsaw Pact, the doctrine of collective responsibility, the doctrine of limited sovereignty, the Hungarian events of 1956, the Prague Spring of 1968, the Polish crisis of 1980–1981, M. Gorbachev, disintegration world socialist system.

Возникновение советской доктрины внутриблоковой политики восходит своими истоками к концу 1940-х гг., когда в советской сфере влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, с установлением в целом ряде стран этих регионов коммунистических режимов, находившихся в жесткой вассальной зависимости от Москвы, начался процесс формирования военно-политического блока государств под эгидой СССР [Гибианский, Проблемы Восточной Европы..., 2003, с. 105–136]. Инициированный Сталиным весной 1948 г. советско-югославский конфликт стал наиболее действенным фактором сплочения стран-сателлитов СССР на единой платформе, продиктованной Советским Союзом [Гибианский, Форсирование советской блоковой политики..., 2003, с. 137–186]. Лишенные на международной арене всякой самостоятельности, восточноевропейские «народно-демократические» режимы фактически превратились в прямых проводников внешнеполитической линии СССР, которая в условиях резко обострившейся холодной войны носила все более конфронтационный характер — в роли врагов при этом выступали как блок НАТО (созданный в 1949 г. в определенной мере как инструмент противодействия попыткам дальнейшей советской экспансии на Запад), так и коммунистический режим Тито в Югославии, отлученный по воле Сталина от мирового коммунистического движения и формирующегося советского лагеря. В качестве важного инструмента советской внутриблоковой политики выступало образованное в сентябре 1947 г. Информбюро коммунистических и рабочих партий [Адибеков, 1994], а теоретической основой служили его резолюции. Впрочем, явная неудача сталинской политики на югославском направлении продемонстрировала низкую эффективность этой внешнеполитической структуры, распущенной весной 1956 г. в интересах начавшегося после смерти Сталина сближения с титовской Югославией [Стыкалин, 2014]. Эта новая линия также не возымела успеха — хотя межгосударственные отношения с Белградом и были нормализованы, вернуть страну в сферу влияния СССР не удалось. В то же время вхождение Западной Германии в НАТО ускорило завершение процесса формирования советского блока, что нашло отражение в Варшавском договоре, подписанном 14 мая 1955 г. Согласно букве этого договора, страны-союзницы воздерживались от применения силы на международной арене и вместе с тем обязывались «в случае вооруженного нападения на кого-либо из них оказать подвергшимся нападению государствам немедленную помощь всеми средствами, какие представляются им необходимыми, включая применение вооруженных сил» [Правда, 1955, 15 мая]. Речь в договоре шла, таким образом, о совместном противодействии военной угрозе, исходившей извне, а отнюдь не об общих усилиях по разрешению внутривосточного кризиса в одной из стран блока. XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), приняв во внимание югославскую и китайскую специфику, легитимизировал право разных стран на поиск собственных, отвечавших их специфическим условиям путей построения социализма. При этом принципы внутриблоковой политики не получили развития в решениях съезда: полное единство внутри советского блока не делало это актуальным.

Только венгерский кризис осени 1956 г., став первым серьезным вызовом СССР изнутри сформировавшегося под его эгидой восточного блока, заставил Москву

не только привести в систему, но и скорректировать с учетом нового опыта принципы своей внутриблоковой политики. 30 октября 1956 г. была принята Декларация Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами. В этом доктринальном документе была с некоторой долей самокритики оценена прежняя советская политика, ущемлявшая принцип равноправия в отношениях между социалистическими государствами, декларировано стремление к ее пересмотру. Была выражена готовность отозвать командированных из СССР на долгосрочной основе советников, если их дальнейшее пребывание будет сочтено нецелесообразным правительствами соответствующих стран. Было обещано заново рассмотреть вопрос о размещении советских войск на территории некоторых государств, подчеркнуто, что они могут находиться там только с согласия их правительств.

В литературе высказывалось мнение о том, что сама публикация Декларации была не более чем тактическим ходом, направленным на отвлечение внимания от происходивших военных приготовлений, поскольку даже в часы обсуждения и принятия этого документа на территорию Венгрии продолжали переправляться новые советские войска, а рано утром 4 ноября 1956 г. состоялась решающая военная акция, свергнувшая правительство И. Надя, не способное взять под контроль ситуацию в стране [Желицки, 2006, с. 50–77]. Более того, именно в день публикации Декларации в «Правде», 31 октября, Президиум ЦК КПСС принял принципиальное решение о подготовке этой акции [Советский Союз..., 1998, с. 484]. Н.С. Хрущев, видимо, и сам осознавал противоречие между буквой и духом опубликованной Декларации, с одной стороны, и тем, что произошло считанными днями позже – с другой. Показательно, как вечером 4 ноября, выступая в Москве на партактиве, он объяснял мотивы проведения только что состоявшихся, подготовленных в срочном порядке встреч с руководителями ряда социалистических государств (включая нейтральную, внеблоковую Югославию). Нас беспокоило, говорил Хрущев, как они поймут и воспримут наши действия, контрастирующие с тем, что говорилось на XX съезде о многообразии путей к социализму, причем на фоне только что опубликованной декларации выбор в пользу применения силы в Венгрии требовал дополнительного объяснения [Источник, 2003, с. 64]. Попытку разрешить это явное противоречие Хрущев предпринял и накануне, вечером 3 ноября, сразу по возвращении из Югославии, на встрече с Я. Кадаром, которому в соответствии с выбором Москвы предстояло возглавить новое венгерское правительство, и сопровождавшими его венгерскими коммунистами. Рабочая запись беседы следующим образом передает слова советского лидера: «мы придерживаемся декларации. С Имре Надем это невозможно» [Советский Союз... 1998, с. 546]. Невозможность соблюдения принципов, изложенных в Декларации от 30 октября, Хрущев объяснял, таким образом, ненадежностью И. Нады как партнера, с которым можно иметь дело. По мнению советского лидера, принятая декларация была применима, когда речь шла о поддержке и развитии отношений с социалистическими странами, управляемыми компартиями. Однако в Венгрии к этому времени коммунисты фактически

уже утратили контроль над ходом событий. Запись заседания Президиума ЦК КПСС за 30 октября показывает, что вопрос о корректировке восточноевропейской политики обсуждался в Кремле всерьез, ибо, как особенно точно заметил на этом заседании министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов, «ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии» [Советский Союз..., 1998, с. 457–461]. Соответственно декларация от 30 октября продолжала и в последующем занимать отведенное ей место в идеологическом арсенале советской внутриблоковой политики, на нее содержались ссылки в документах, принятых вскоре после венгерских событий по итогам двусторонних встреч с лидерами социалистических стран (Польши, Румынии и др.). Польским коммунистам во главе с В. Гомулкой удавалось, ссылаясь в ходе переговоров на Декларацию, добиваться тех или иных подвижек в отношениях с СССР. Этот документ не воспринимался ими в качестве мертворожденного, а, напротив, в качестве такого, который помогал выторговывать у Москвы определенные уступки, особенно в сфере внешнеэкономических связей. Вообще после 1956 г. модель взаимоотношений внутри советского блока претерпевает существенные изменения, в Кремле отказываются от грубых форм давления, присущих сталинской эпохе, что наиболее наглядно проявилось в ликвидации института полномочных советников при силовых и экономических ведомствах.

Между тем, в эти же годы Советский Союз столкнулся с серьезным вызовом не в своей европейской сфере влияния, а на Дальнем Востоке. Уже выступление Мао Цзэдуна на большом московском совещании компартий в ноябре 1957 г. явилось провозвестником будущей чрезвычайно острой борьбы за влияние между двумя центрами силы в мировом коммунистическом движении – Москвой и Пекином. Ценой далеко идущих компромиссов со стороны КПСС [Стыкалин, 2013] удалось принять итоговые документы больших совещаний компартий 1957 и 1960 гг., однако иллюзию единства двух великих коммунистических держав могли поддерживать только до начала 1960-х годов, пока не возникает жесткая открытая полемика между КПСС и КПК. Позиции сторон не удалось примирить и после отставки в октябре 1964 г. Н.С. Хрущева, что показала первая же, ноябрьская встреча в Москве советских лидеров с делегацией КПК. С 1965 г. в центре внимания оказывается вопрос о проведении/непроведении нового большого совещания компартий, проходит ряд подготовительных встреч, причем точки зрения Москвы и Пекина на своевременность созыва совещания менялись в зависимости от той поддержки, которой каждая из двух партий могла на данный конкретный момент заручиться. Что же касается стран советского блока в Восточной Европе, то лишь Албания сделала выбор в пользу КПК, а Румыния пыталась балансировать на советско-китайских противоречиях, другие же страны-союзницы СССР безоговорочно шли в фарватере советской политики.

С новым серьезным вызовом в Восточной Европе Москва столкнулась весной 1968 г. с началом Пражской весны, процессами глубокой либерализации внутриполитической жизни в Чехословакии, угрожавшей ослаблением властных позиций

правлящей компартии. Сделанный в августе выбор в пользу ввода войск ряда стран-участниц ОВД в целях блокирования происходивших в Чехословакии общественных процессов потребовал развернутого идеологического обоснования, которого не могли предложить ранее принятые программные документы КПСС и мирового коммунистического движения.

Столь острая потребность возникла прежде всего потому, что силовое вмешательство во внутренние дела одной из стран советского блока вызвало серьезные разногласия в мировом коммунистическом движении, грозившие не просто массовым выходом из западных компартий лиц, разочаровавшихся в советской политике, как это имело место в 1956 г., а куда более глубоким расколом. Ведь против вторжения в Чехословакию, хотя и по разным мотивам, резко выступили руководства как ряда социалистических стран (второй по значимости коммунистической державы – КНР, внеблоковой Югославии и даже члена ОВД Румынии), так и большинства европейских коммунистических партий. Отчетливо обозначился, таким образом, кризис движения, гораздо более масштабный, нежели тот, который в 1956–1957 гг. был вызван разоблачением Сталина на XX съезде КПСС и подавлением в 1956 г. венгерской революции и довольно успешно преодолен уже к осени 1957 г. [Стыкалин, 2013]. Не менее глубоким оказался после августа 1968 г. и раскол внутри Движения неприсоединения, которое в Москве, пусть иногда и с оговорками, рассматривали в качестве потенциального союзника и уж во всяком случае попутчика мирового коммунистического движения. Кроме того, после подавления Пражской весны заметно усилилось стремление дистанцироваться от внешней политики СССР в тех западных политических, деловых, культурно-интеллектуальных кругах, которые были ориентированы на активное сотрудничество с Советским Союзом.

Тезис о коллективной ответственности социалистических стран в деле защиты социализма в каждой из них был впервые в контексте Пражской весны озвучен Л.И. Брежневым в ходе длительной беседы с югославским коммунистическим лидером И. Брозом Тито, посетившим Москву в конце апреля 1968 г. Руководство СССР должно было в некоторой мере считаться с позицией титовской Югославии, учитывая ее статус одного из лидеров Движения неприсоединения, равно как и большой международный авторитет маршала Тито, единственного обремененного властью коммунистического политика, осмелившегося в свое время открыто бросить вызов Сталину на международной арене. На встрече 29 апреля ситуация в Чехословакии стала главным предметом обсуждения [Встречи и переговоры..., 2017, с. 211–230]. Руководство СССР надеялось на такую же близость точек зрения двух сторон, какую удалось достигнуть в июне 1967 г. в условиях «шестидневной войны» на Ближнем Востоке. Брежнев не скрывал обеспокоенности ослаблением контроля руководства КПЧ над общественной жизнью и прессой и уже в это время, за неполные 4 месяца до интервенции, откровенно высказал свое мнение, во многом корреспондировавшее с теми положениями, которые после 21 августа 1968 г. нашли отражение в ряде статей и документов

и, по оценкам западных аналитиков, легли в основу впервые со всей четкостью сформулированной так называемой доктрины ограниченного суверенитета («доктрины Брежнева»). Он говорил лидеру СКЮ: «Нужны какие-то радикальные шаги с нашей стороны с тем, чтобы помочь Чехословакии устоять на позициях социализма. Не следует бояться слова “вмешательство”. Ведь мы пролетарские интернационалисты, и нам небезразличны судьбы социализма в других странах. Есть вопросы, которые нельзя рассматривать как чисто советские или чисто югославские. У нас есть общие задачи и обязанности, вытекающие из принципов пролетарского интернационализма. Нас очень волнует и нам не безразлично, как идут дела у наших друзей, в том числе и в Югославии», где экономическая реформа, «по-товарищески говоря, как нам кажется, пока не дала положительных результатов» [Встречи и переговоры..., 2017, с. 223–224]. Таким образом, не ограничившись критикой положения в Чехословакии, Брежнев попытался спроецировать свое понимание коллективной ответственности за судьбы социализма и на нейтральную Югославию, что не могло не вызвать резкого отпора югославской стороны. Еще более жесткий отпор официальной Москвой был получен уже после интервенции в Чехословакию, в беседе Тито 31 августа с советским послом И.А. Бенедиктовым, прошедшей в очень напряженной атмосфере. Лидер коммунистической Югославии, последовательный в своем стремлении к ограничению советского давления на другие социалистические страны, заявил тогда советскому послу, что военная акция была предпринята вопреки воле руководства и народа Чехословакии, и что у чехов и словаков было достаточно сил самим решить свои внутренние проблемы. Что же касается Югославии, то Тито прямо дал понять, что ее руководство не допустит, чтобы кто бы то ни было под лозунгом социалистического интернационализма вмешивался в ее внутренние дела. Если же югославскому государству кто-либо будет угрожать, будь то с Востока или с Запада, а тем более если дело дойдет до силовой акции, «Югославия будет решительно сражаться, защищая свою независимость. В этом можно не сомневаться» [Встречи и переговоры..., 2017, с. 236].

Летом 1968 г., начиная с 28 июня, тезис о коллективной ответственности социалистических стран за положение в каждой из них, обосновывавший право на силовое вмешательство в случае нежелательного развития событий, находит отражение в программных выступлениях газеты «Правда», а затем и в официальных документах, принятых в рамках мирового коммунистического движения. Так, в коллективном письме в адрес КПЧ пяти компартий от 15 июля по итогам варшавского совещания по чехословацкому вопросу, прошедшего без участия представителей КПЧ, говорилось о том, что угроза социализму в Чехословакии «подвергает опасности общие жизненные интересы остальных социалистических стран», а потому является общим делом всех коммунистических и рабочих партий и государств, объединенных союзническими отношениями в рамках Варшавского договора [Правда, 1968, 17 июля]. 3 августа в Братиславе состоялось новое совещание, разумеется с участием и делегации хозяев, в итоговом заявлении которого также содержалось положение о защите завоеваний социализма как общем интернациональном долге

всех социалистических стран [Правда, 1968, 4 августа]. Оно допускало разные интерпретации, в том числе о необходимости применения совместных (не исключая силовые) мер в отношении страны, где создалась угроза тому, что понималось под завоеваниями социализма.

22 августа, т.е. на следующий день после интервенции, эта же тема получила развитие в редакционной статье «Правды» объемом в две газетные полосы «Защита социализма — высший интернациональный долг», где в том же духе содержалось обоснование мотивов уже состоявшегося вторжения. Подчеркнуто концептуальный характер имела написанная по заказу ЦК КПСС и вызвавшая большой международный отклик статья члена редколлегии газеты «Правда» С. Ковалева «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран», опубликованная в центральном органе КПСС 26 сентября. В ней была наведена на резкость проблема неизбежного ущемления суверенитета страны, ставшей объектом «интернациональной помощи» в интересах спасения социализма — это был ответ на критику акции от 21 августа мировым сообществом. Прозвучавшая в этой и ряде других публикаций мысль о правомерности вмешательства союзников во внутренние дела той страны социалистического лагеря, где существует прямая и реальная угроза фундаментальным интересам мирового социализма, вскоре была публично озвучена и на самом высоком уровне. Л. Брежнев, возглавлявший делегацию КПСС на V съезде ПОРП, 12 ноября в своем варшавском выступлении заявил: «Когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического сотрудничества в целом, — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран» [Правда, 1968, 13 ноября]. В рамках мирового коммунистического движения несогласие с этой концепцией в то время выразил опять-таки Тито, увидевший в ней противоречие с тезисом XX съезда КПСС о многообразии форм перехода к социализму и осудивший официальное объявление ревизионистской «ересью» любых попыток выработать модель социализма, отличную от «классической» советской, а тем более — провозглашенную руководством КПСС готовность эту «ересь» всячески искоренять, не останавливаясь и перед применением военной силы. В своем письме от 5 ноября 1968 г. в Москву югославский лидер проявил особую озабоченность тем, что применение военной силы против ЧССР, не поддержанное Югославией, получило идеологическое обоснование в теории, утверждающей право навязывать извне другим странам пути внутреннего развития [Встречи и переговоры..., 2017, с. 244–246].

Начиная с осени 1968 г., особенно после речи Брежнева на V съезде ПОРП, термины «доктрина ограниченного суверенитета» и «доктрина Брежнева» широко использовались западными политическими экспертами для характеристики той концепции внешней политики СССР в рамках советского блока, которая получила выражение

как в публичных выступлениях советских лидеров, так и в программных статьях на страницах газеты «Правда» и журнала «Коммунист»¹. При этом западные наблюдатели, комментируя довольно четко сформулированные базовые постулаты этой концепции и связывая ее с именем Брежнева, отмечали, что она применялась на практике задолго не только до 1968 г., но и до прихода Л. Брежнева на первый пост в советской партийно-правительственной иерархии, в частности при подавлении в ноябре 1956 г. венгерской революции. Совершенно естественно поэтому, что когда после 1985 г. начался постепенный пересмотр доктрины советской блоковой политики, он сопровождался официальным изменением отношения руководства КПСС к военным действиям по подавлению не только «Пражской весны», но и венгерского восстания 1956 г.

Отказу от применения «доктрины ограниченного суверенитета» способствовал еще польский кризис 1980–1981 гг., показавший, что применительно к такой не малой, но средней по размеру стране, как Польша, с учетом боеготовности ее армии и настроений в обществе, реализация принципа коллективной ответственности на практике едва ли возможна. Правда, в речи Брежнева на XXVI съезде КПСС (февраль 1981 г.) было под гром аплодисментов обещано «не оставить в беде» и «не дать в обиду» братскую Польшу, а в коммюнике, опубликованном по итогам встречи коммунистических лидеров СССР и Польши, состоявшейся 4 марта 1981 г., содержалась дежурная фраза о том, что «защита социалистического содружества является делом не только каждого государства, но и всей социалистической коалиции» [Правда, 1981, 5 марта]. Однако это и многое другое было лишь данью привычной риторике, несостоятельность которой продемонстрировало развитие событий в последующие месяцы. К середине осени, по мере того, как антикоммунистическая оппозиция в Польше крепла, опираясь на массовую поддержку², брежневское руководство (включая возглавлявшего особую «польскую комиссию» М.А. Суслова) все больше склонялось к представлениям о неэффективности и нецелесообразности военного вмешательства в этой соседней стране, тем более в условиях, когда Советский Союз все глубже увязал в Афганистане. Это проявилось и в ходе обсуждения польской проблемы на Политбюро. Показательно выступление Ю.В. Андропова на заседании от 29 октября 1981 г.: «нам нужно твердо придерживаться своей линии – наши войска в Польшу не вводить» [РГАНИ, ф. 89, оп. 42, док. 48, л. 4]. Этому тезису не противоречили ни постоянные запугивания польского лидера В. Ярузельского вводом советских войск в случае неспособности польских коммунистов своими силами справиться с ситуацией, ни военные приготовления вблизи границы на случай, если дальнейшее обострение (вплоть до гражданской

¹ Интересно, что к тому же самому определению прибегнул и представитель социалистической страны, отказавшейся участвовать в августовской интервенции, влиятельный премьер-министр Румынии И.Г. Маурер, который в конце января 1969 г., принимая эмиссара экономической комиссии ООН, говорил, что Румыния испытывает особую озабоченность в связи с провозглашением Советским Союзом доктрины ограниченного суверенитета применительно к союзникам по военному блоку [РГАСПИ, ф. 495, оп. 255, д. 71, л. 129].

² Численность профсоюза «Солидарность» к осени 1981 г. достигает 10 млн человек.

войны) польского кризиса потребует посылки советских войск на подмогу силам социализма в Польше. Гораздо позже, 31 октября 1989 г., уже в месяцы кардинальных перемен в странах советского блока, А.Н. Яковлев в беседе с З. Бжезинским довольно откровенно говорил о том, что именно события вокруг Афганистана явились тем решающим фактором, который подвиг советских лидеров к отказу от дальнейшего использования своих вооруженных сил за пределами страны, в том числе в Польше: «Афганистан, наверно, при всем негативе имеет один положительный момент для нас. На примере Афганистана мы пришли к выводу, что ни один советский солдат не должен находиться за рубежом в целях ведения боевых действий» [Яковлев, 2008, с. 375].

С приходом в 1985 г. к руководству КПСС М.С. Горбачева и его команды в Кремле и на Старой площади постепенно складывается более критический взгляд на советскую политику в отношении союзников по блоку, возникают сомнения в эффективности и результативности силового подхода к восточноевропейским делам с точки зрения долгосрочных интересов СССР и мирового коммунистического движения. Сам Горбачев 3 июля 1986 г., согласно записи его помощника А.С. Черняева, говорил на заседании Политбюро о том, что методы, примененные в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., в новых условиях совершенно неприемлемы [В Политбюро ЦК КПСС, 2008, с. 61]. По сути это было если не принципиальным отказом от «доктрины Брежнева», то во всяком случае признанием ее неэффективности в современных условиях, с учетом соотношения сил в мире, внутривнутриполитической ситуации в странах социалистического лагеря и настроений в самом СССР, чье руководство до сих пор не могло выпутаться из затяжной и крайне непопулярной в обществе войны в Афганистане.

Москва, таким образом, со временем все более тяготилась функцией «верховного арбитра», несущего ответственность за судьбы всего соцлагеря и обладающего правом настаивать на искоренении всего того, что расходилось с принятыми в мировом коммунистическом движении представлениями о незамутненном социалистическом качестве. Однако опережать лидеров социалистических стран в переоценке событий, происходивших в самих этих странах, в Москве явно не собирались. Осенью 1986 г., во время 30-летия «Будапештской осени», в советских печатных изданиях получает хождение лишь одна-единственная версия — контрреволюции. В условиях декларированной Перестройки прежний охранительный подход в оценке роли СССР в разрешении кризисных явлений внутри советского блока комментировался на Западе как свидетельство сохранявшейся приверженности руководства СССР «доктрине Брежнева» и его неготовности идти на концептуальный пересмотр своей восточноевропейской политики. Между тем в Венгрии с каждым годом активизировались оппозиционные движения, неизменно включавшие в свои политические программы требование ревизии отношения к событиям 1956 г. 15 июня 1988 г. отмечалось 30-летие вынесения смертного приговора бывшему премьер-министру Имре Надю, не сумевшему осенью 1956 г. овладеть ситуацией и обвиненному впоследствии в

умышленных действиях по свержению государственного строя. В этот день в Будапеште полицией была разогнана массовая демонстрация с требованием реабилитации И. Надя и других осужденных за участие в восстании. Однако давление снизу было настолько велико, что через полгода, в конце января 1989 г., один из лидеров правящей Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) Имре Пожгаи по итогам работы специально созданной комиссии охарактеризовал события 1956 г. как народное восстание. Через две недели эти оценки, вопреки противодействию консервативной части партократии, были, пусть с оговорками, подтверждены на партийном пленуме. Радиовыступление Пожгаи стало сенсацией, сотни тысячи людей должны были принять к сведению начавшийся пересмотр официальной трактовки ключевого события послевоенной истории Венгрии, за которым неминуемо должна была последовать и переоценка советской военной акции ноября 1956 г.

В Москве не могли не отреагировать. Начавшаяся переоценка событий «Будапештской осени» (а к весне 1989 г., вследствие выступления Пожгаи, она приняла в венгерской прессе просто «обвальный» характер) была воспринята как едва ли не важнейший симптом продолжавшейся сдачи позиций правящей государственной партии (ВСРП) в борьбе с крепнувшими оппозиционными движениями, с каждым месяцем все более открыто претендовавшими на власть. Это, конечно, не давало аппарату ЦК КПСС оснований для радости. Тем не менее, влиятельный либеральный партократ, помощник М. Горбачева А. Черняев, на стол которому положились срочно переправлявшиеся в ЦК из МИДа телеграммы советского посольства в Будапеште, пришел к выводу о целесообразности для Москвы устраниваться от любого вмешательства в идейно-политическую борьбу, которая разыгралась в Венгрии вокруг вопроса о характере октябрьских событий более чем 30-летней давности. Он предложил Горбачеву «стараться удерживать проблему 1956 года на уровне научного спора, не допускать превращения ее в политическую полемику с кем бы то ни было (как, впрочем, и с нашим 1939 годом)» [Архив Горбачев-Фонда, фонд Черняева, док. 7403]¹.

Независимо от отношения Горбачева к не согласованной с Москвой переоценке ключевого события новейшей венгерской истории, по сути означавшей делегитимизацию кадаровского коммунистического режима (т.е. отрицание законности его установления), лидер КПСС при встрече в марте с К. Гросом, сменившим в мае 1988 г. Я. Кадара на посту генерального секретаря партии, прямо дал понять: «оценка 1956 г. – ваше дело», советская сторона не собирается каким-либо образом влиять на официальные оценки ВСРП, как не намерена, впрочем, спорить и с руководством Коммунистической партии Чехословакии, продолжающим называть «контрреволюцией» события 1968 г. В то же время в сегодняшних условиях, продолжал Горбачев, силовое вмешательство извне во внутренние дела одной из

¹ Проводимые Черняевым параллели с 1939 г. вполне понятны, ибо в свете предстоявшего 50-летия начала Второй мировой войны в прибалтийских республиках СССР все более открыто поднимался вопрос о переоценке значения советско-германского пакта 23 августа 1939 г.

социалистических стран представляется совершенно недопустимым [Gorbacsov tárgyalásai..., 2000, p. 179–180]. Таким образом, «доктрина Брежнева», независимо от отношения к ее приемлемости (или неприемлемости) в иных исторических условиях, ныне, по мнению советского лидера, никак не могла служить руководством к действию.

В то же время в Кремле и на Старой площади никак не хотели делать бесконтрольным пересмотр в советских СМИ прежних, устоявшихся позиций, совсем недавно, осенью 1986 г., активно защищавшихся в связи с 30-летием венгерских событий. Эксперты, решившиеся на опережение со страниц советских и иностранных печатных изданий (в том числе весьма популярной в конце 1980-х гг. среди интеллигенции газеты «Московские новости»), подвергались давлению. Соответствующие замечания были летом 1989 г. сделаны в аппарате ЦК видным сотрудником Института экономики мировой системы социализма АН СССР Л.С. Ягодовскому и Е.А. Амбарцумову, характеризовавших подавление венгерского восстания как историческую ошибку и осуждавших казнь Имре Надя [Кешкенё, 2011, с. 163]. С другой стороны, санкционируется публикация летом 1989 г. в советских СМИ ряда статей, где оценка венгерских событий осени 1956 г. как контрреволюции была признана упрощенной, хотя и отмечалась неоднозначность происходившего на будапештских улицах, признавалось наличие экстремистских проявлений со стороны восставших масс (достаточно вспомнить о нескольких десятках жертвах линчеваний, в том числе защитников здания горкома партии 30 октября). Группа экспертов ЦК КПСС во главе с заместителем заведующего международным отделом ЦК В.Л. Мусатовым, которым было доверено на основе ознакомления с ранее засекреченными архивными документами подготовить частичный пересмотр прежних, очень жестких оценок, стояла перед непростой задачей объяснить мотивы советского силового вмешательства таким образом, чтобы избежать совсем нежелательного для официальной Москвы самобичевания. Акцент был сделан на том, что в октябре 1956 г. тогдашнее руководство СССР долго колебалось, выискивая политические пути разрешения «венгерской проблемы», оно не ставило своей целью восстановление в Венгрии власти прежней команды Ракоши, полностью скомпрометировавшей себя. При принятии окончательного решения оно должно было учитывать события на Ближнем Востоке (произошедший в те же дни острый конфликт на Суэцком канале) и кроме того (это представлялось очень важным) согласовывало все принимавшиеся принципиальные решения с другими компартиями, включая КПК и СКЮ. Осторожные попытки, отказавшись от ярлыков и жестких формулировок, скорректировать прежний подход таким образом, чтобы у читателя не создалось впечатления радикальной переоценки, были предприняты летом 1989 г. в целом ряде публикаций на страницах еженедельника «Новое время».

Даже такой весьма половинчатый пересмотр характера событий 33-летней давности вызвал протест, и не столько партийных ортодоксов, сколько ветеранов силовых структур. В публикациях на страницах «Военно-исторического журнала»

в 1989–1990 гг. доминировал старый подход — происходившее в Венгрии в 1956 г. однозначно называлось контрреволюцией. Два генерала, участвовавших в интервенции, обратились к Горбачеву с письмом, в котором выразили решительный протест против начавшейся ревизии привычной им оценки венгерских событий как «контрреволюционного путча» [Muszátov, 1997, p. 10–13]. Такая позиция находила понимание и лидеров некоторых «братских» партий, резонно опасавшихся утраты власти вследствие развернувшихся под влиянием горбачевской перестройки внутривнутриполитических процессов. Хрущев «своими реформами вызвал 56-й год в Венгрии. А теперь вот Горбачев дестабилизирует социалистическое содружество», — говорил советским эмиссарам болгарский лидер Т. Живков [В Политбюро ЦК КПСС, 2008, с. 137]. Пересмотру прежних оценок всячески препятствовал и председатель КГБ В.А. Крючков, в 1956 г. служивший в посольстве СССР в Венгрии третьим секретарем под началом посла Ю.В. Андропова.

В июне 1989 г. в Будапеште состоялось торжественное перезахоронение останков Имре Надя, а через три недели, 6 июля, он был полностью реабилитирован венгерским судом (По символическому совпадению, это произошло в самый день смерти отправившего его на эшафот Яноша Кадара). На многотысячном июньском митинге в центре венгерской столицы из уст деятеля Альянса молодых демократов (Фидес) В. Орбана, будущего политического тяжеловеса посткоммунистической Венгрии, гораздо более открыто, чем ранее, звучали резкие антисоветские и антикоммунистические заявления. В августе руководство другой оппозиционной ВСРП партии, Союза свободных демократов, обратилось в письме к М. Горбачеву с предложением официально осудить интервенции в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. как акции, нарушающие международное право.

Для того чтобы затормозить пересмотр отношения в Венгрии к событиям 1956 г. и, по возможности, скомпрометировать его инициаторов, В.А. Крючков организовал передачу венгерским партаппаратчикам хранившихся в архивах КГБ документов 1930-х гг., проливавших свет на неблагоприятную роль И. Надя как агента-осведомителя органов НКВД в период жизни в московской эмиграции¹. Учитывая большую популярность И. Надя среди сторонников кардинальных реформ и превращение этого приверженного национальным ценностям коммуниста-реформатора в своего рода символ сопротивления навязываемым извне формам правления, его компрометация могла быть использована контрреформаторскими силами в ВСРП против своих оппонентов. Однако даже эти силы в сложившихся условиях пришли к выводу о нецелесообразности обнародования полученных из Москвы документов, поскольку это только подлило бы масла в огонь политического противостояния, отнюдь не повлияв на пересмотр исторических оценок и тем более не гарантировав бы успеха одной из сторон во внутривнутриполитической борьбе. Со стороны ЦК КПСС и МИД СССР теперь уже не давили, предоставив

¹ См. справку КГБ СССР для ЦК КПСС от 16 июня 1989 г. «Об архивных материалах о деятельности в СССР Имре Надя»: [РГАНИ, ф. 89, оп. 45, д. 82, л. 1–3].

венграм самим выносить оценки¹. Вообще осенью 1989 г., когда всю Восточную Европу охватил процесс радикальных перемен, проблема переоценки деятельности И. Надя явно не относилась к числу приоритетных для Москвы².

Между тем, в конце лета 1989 г. советское руководство неожиданно столкнулось с прямым призывом к применению «доктрины Брежнева». Парадоксальным образом он исходил от румынского лидера Н. Чаушеску, сталкивавшегося в своей стране с огромными экономическими трудностями и усилением недовольства граждан катастрофическим падением уровня жизни. Политик национал-коммунистического толка, в августе 1968 г. под лозунгом защиты национальных ценностей решительно отмежевываясь от силовой акции СССР и ряда его союзников по ОВД в отношении Чехословакии и заработавший на этом немалый внешне- и внутривнутриполитический капитал, который растрачивал затем более десятилетия, из страха перед падением своего режима по иронии истории превращался теперь в «коммунистического интернационалиста». В августе 1989 г. Чаушеску обратился к лидерам других европейских социалистических стран с призывом собраться и обсудить положение дел в Польше, создающее угрозу для судеб социализма не только в этой стране, но и за ее пределами (коммунисты именно к этому времени уже фактически теряют в Польше власть). Как ЦК ПОРП, так и ЦК КПСС не поддержали инициативы румынского лидера. В ответе ЦК КПСС румынскому руководству от 27 августа 1989 г. отмечалось: «сам ход политических событий в стране объективно лимитирует возможности наших совместных шагов, не вступающих в противоречие с суверенитетом ПНР» [РГАНИ, ф. 3, оп. 103, д. 181, л. 140–141]. Таким образом, союзник СССР по ОВД в ответ на свой прямой запрос получил из Москвы заверение в том, что «доктрина Брежнева» не является в новых условиях актуальной. Два месяца спустя, 1 ноября, уже после утраты власти в ГДР командой Э. Хонеккера, Горбачев в беседе с новым руководителем Социалистической единой партии Германии Э. Кренцем признал, что в первую очередь именно внешнеэкономические факторы, в частности, растущая зависимость Польши и Венгрии от Запада и неспособность СССР конкурировать с западными экономиками теперь уже и на восточноевропейском поле (т.е. в советской сфере политического влияния), делают неэффективной любую попытку силового воздействия извне на происходящие процессы: «В Венгрии и Польше сейчас сложилось такое положение, что им, как говорится, деваться некуда, настолько они погрузились в финансовую зависимость от Запада. Сейчас кое-кто нас упрекает: куда, мол, смотрит Советский Союз, почему он

¹ «Если ЦК ВСРП сочтет целесообразным создание комиссии для дополнительного выяснения деятельности И. Надя в период его жизни в СССР и обратится к нам, то с советской стороны будет сделано все необходимое для прояснения интересующих венгерскую сторону вопросов. Что касается оценок политической деятельности И. Надя, в том числе во время событий 1956 года, то, по нашему мнению, этот вопрос относится к компетенции ВСРП и венгерской исторической науки» (Текст указаний послу СССР в Будапеште. Не позднее 18 сентября 1989 г. См.: [РГАНИ, ф. 3, оп. 103, д. 182, л. 69]).

² Документы об И. Наде, о которых идет речь, впервые были опубликованы в начале 1993 г. в итальянской газете «La Stampa», а вскоре после этого в венгерских изданиях, что вызвало дискуссии, но не повлияло на оценку его политической роли в событиях 1956 г.

позволяет Польше и Венгрии “уплывать” на Запад. Но мы ведь не можем взять на содержание Польшу» [Горбачев, 2010, с. 373].

С падением в последние месяцы 1989 г. в ряде стран Восточной Европы режимов, не заинтересованных в ревизии оценок прежней советской блоковой политики, новые силы, пришедшие к власти, ждали от Москвы официального пересмотра «доктрины ограниченного суверенитета». После состоявшейся в конце ноября «бархатной революции» в Чехословакии обновленное руководство КПЧ и новое правительство ЧССР высказались за переоценку военной акции 5 стран-членов ОВД 21 августа 1968 г. Вслед за этим 5 декабря в «Правде» было опубликовано заявление Советского правительства: «Мы разделяем точку зрения Президиума ЦК КПЧ и Правительства ЧССР о том, что вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным». В тот же день было опубликовано совместное заявление руководителей всех стран ОВД, принявших в августе 1968 г. участие в силовой акции. В нем также отмечалось, что ввод войск в Чехословакию явился вмешательством в ее внутренние дела и должен быть осужден. Новая советская позиция, основанная на отказе от представлений о коллективной ответственности за происходящее в каждой из соцстран, прозвучала и с трибуны партийных форумов. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М. Горбачев говорил о том, что отказ от вмешательства «в дела наших братских партий, тем более стран» — это «один из главных уроков нашей предшествующей деятельности, нашей истории, взаимоотношений с социалистическими братскими странами» [РГАНИ, ф. 2, оп. 5, д. 342, л. 39–48]. На смену «доктрине Брежнева», по оценке некоторых западных наблюдателей, приходила «доктрина Горбачева», оказавшаяся совсем недолговечной из-за распада советского блока.

Остается все же открытым вопрос: была ли переоценка ввода войск в Чехословакию в 1968 г. однозначно воспринята на Западе как концептуальный отказ от «доктрины ограниченного суверенитета» или только как возвращение к *realpolitik*, признание невозможности либо нецелесообразности подобных решений при существующем раскладе сил в мире, принимая во внимание также и заботу о престиже СССР. Во всяком случае, 24 декабря, в канун Рождества, вопрос о возможном применении Советским Союзом, теперь уже с одобрения США, «доктрины Брежнева» в целях оказания помощи силам, выступившим в Румынии против диктатуры Чаушеску, был в осторожной форме поднят послом США в СССР Дж. Мэтлоком в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР И.П. Абоимовым. В своей записке, подготовленной по итогам беседы, Абоимов сообщал: «На этот зондаж американца дал ответ совершенно четкий и недвусмысленный, изложив нашу принципиальную позицию. Заявил, что такой сценарий нами не рассматривался даже теоретически. Мы против любого вмешательства во внутренние дела других государств и намерены твердо и неуклонно следовать этой позиции. Так что американская сторона может считать, что “доктрину Брежнева”

мы подарили ей» в качестве рождественского подарка [Анатомия конфликтов, 2013, с. 554]. Намек на подаренную «доктрину Брежнева» был связан с тем, что разговор происходил в дни американской военной акции по свержению режима генерала М. Норьеги в Панаме.

Таким образом, еще в условиях польского кризиса 1980–1981 гг. в советском руководстве отказались от применения на практике «доктрины Брежнева», осознав всю непредсказуемость последствий военного вмешательства СССР в Польшу. С приходом к власти команды М. Горбачева в элите страны быстро возобладала точка зрения о неприемлемости в новых условиях силовой политики в советской сфере влияния. Вместе с тем в трактовке исторических прецедентов военного вмешательства во внутренние дела суверенных государств (Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г.) в Москве считали определяющей для себя официальную позицию правящих кругов соответствующих стран и были склонны идти на переоценки лишь в той мере, в какой это диктовалось изменением данной позиции. Утрата власти коммунистами в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, распад советского блока и изменение характера отношений между СССР (а затем его правопреемницей Россией) и бывшими европейскими социалистическими странами закономерно привели к коренному пересмотру прежних оценок, признанию не только противоправности, но и политической нецелесообразности военных акций по подавлению как Пражской весны, так и венгерского восстания. Соответственно и сама доктрина коллективной ответственности за положение в странах советского блока признается не только неактуальной, но и в принципе не отвечающей нормам международного права.

В постсоветской России, уже после распада ОВД, на трактовку проблемы коллективной ответственности в блоковой политике СССР оказали влияние колебания российской внешней политики. Возобладавший в российской литературе 1990–начала 2000-х гг. многомерный и при этом довольно критический взгляд на советскую политику в условиях восточноевропейских кризисов (прежде всего 1956 и 1968 гг.) с конца 2010-х гг. все чаще вытесняется довольно апологетическим подходом, во многом следующим традиционной советской парадигме, которая, в соответствии с «доктриной ограниченного суверенитета», утверждала право СССР на контроль над странами своей сферы влияния в противовес Западу любыми методами, не исключая силовых [Стыкалин, 2014].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947–1956 гг. М.: Россия молодая, 1994. 235 с.

Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Спб.: «Алетейя», 2013. Т. II. 864 с.

Архив международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Фонд Черняева. Док. 7403.

В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. Издание 2-е, дополненное. М.: Горбачев-Фонд, 2008. 784 с.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том II. 1965–1980. М.: Международный фонд «Демократия», 2017. 944 с.

Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / Отв. редакторы Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 105–136.

Гибианский Л.Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / Отв. редакторы Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., ОЛМА-Пресс, 2003. С. 137–186.

Горбачев М.С. Собрание сочинений. М.: Горбачев-Фонд – Весь мир, 2010. Т.16: Сентябрь–ноябрь 1989. 592 с.

Желицки Б.Й. Имре Надь // Вопросы истории, 2006. № 8. С. 50–77.

Источник. Документы российской истории. 2003. № 6(66). С. 63–77.

Кешкенъ Э. События, предшествовавшие смене режима. Венгрия и Советский Союз в конце 1980-х годов // Звезда. Спб., 2011. № 3. С. 158–167.

Правда (газета), Москва. 1955. 15 мая.

Правда (газета), Москва. 1968. 17 июля.

Правда (газета), Москва. 1968. 04 августа.

Правда (газета), Москва. 1968. 13 ноября.

Правда (газета), Москва. 1981. 05 марта.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 342.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 181.

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 48.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 255. Д. 71.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., РОССПЭН, 1998. 864 с.

Стыкалин А.С. О некоторых вейниях современной российской историографии в трактовке роли Запада в восточноевропейских кризисах времен холодной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 2 (25).

Стыкалин А.С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение, 2014. № 1. С. 12–29.

Стыкалин А.С. Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение. От Коминформбюро к первому

большому московскому совещанию компартий (весна 1956 г.–осень 1957 г.) // Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., РОССПЭН, 2013. С. 5–51.

Яковлев А.Н. Перестройка. 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. 867 с.

Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőkkel. Dokumentumok az egykori SzKP és MSzMP archívumaiból, 1985–1991 / Szerk. Baráth M., Rainer M.J. Bp.: 1956-os Intézet, 2000. 368 p.

Muszátov V. Moszkva és 1956. Viták 1989–1990 között a Szovjetunióban // *História*. Bp., 1997. № 8. Pp. 10–13.

REFERENCES

Adibekov G.M. *Kominform I poslevoennaya Evropa, 1947–1956 gg.* [Cominform and Europe after the War, 1947–1956]. M.: Rossiya molodaya publ., 1994, 235 p. (in Russian).

Anatomiya konfliktov. Tzentralnaya I Yugo-Vostochnaya Evropa: dokumentyi I materialyi poslednei treti XX veka [The Anatomy of Conflicts. The Central and South-Eastern Europe: the documents and materials of the last third of the XXth century]. Sankt-Peterburg, Aleteia publ., 2013. Vol. II. 864 p. (in Russian).

Archive of the International Fund for Socio-Economic and Political Science Research (Gorbachev Foundation). Chernyaev Foundation. D. 7403.

V Politbiuro TzK KPSS... Po zapisyam A. Chernyaeva, V. Medvedeva, G. Shahnazarova [In the Politbureau CC SPSU... On the base of the records of A. Chernyaev, V. Medvedev, G. Shahnazarov]. M.: Gorbachev-fond publ., 2008, 784 p. (in Russian).

Vstrechi I peregovoryi na vysshchem urovne rukovoditelei SSSR I Jugoslavii v 1946–1980 gg. [The High-level Meetings and Talks of the leaders of the USSR and Yugoslavia in 1946–1980]. Vol. II. 1965–1980. M.: International Democracy Foundation publ., 2017, 944 p. (in Russian).

Gibiaskii L.Y. Problemyi Vostochnoi Evropyi I nachalo formirovaniya sovetskogo bloka [The Problems of Eastern Europe and the Beginning of forming of the Soviet bloc], in *Holodnaya voina. 1945–1963. Istoricheskaya retrospektiva* [The Cold War. 1945–1963. The Historical Retrospective] / ed. N.I. Egorova, A.O. Chubarian. M., OLMA-Press publ., 2003, Pp. 105–136 (in Russian).

Gibiaskii L.Y. Forsirovanie sovetskoj blokovoï politiki [The Forcing of the Soviet Bloc politics], in *Holodnaya voina. 1945–1963. Istoricheskaya retrospektiva* [The Cold War. 1945–1963. The Historical Retrospective] / ed. N.I. Egorova, A.O. Chubarian. M., OLMA-Press publ., 2003, Pp. 137–186 (in Russian).

Gorbachev M.S. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. M.: Gorbachev Foundation, 2010. Vol. 16: September–November 1989, 592 p. (in Russian).

Zselicky B.J. Imre Nagy, in *Voprosi istorii*. 2006. № 8. Pp. 50–77 (in Russian).

Istochnik. Dokumenty rossiiskoi istorii. 2003. № 6(66). Pp. 63–77 (in Russian).

Keskény E. *Sobyitiya, predshestvovavshie smene rezhima. Vengriya I Sovetskii Soyuz v kontze 1980-h godov* [The events in Hungary preceding the change of the regime. Hungary and the Soviet Union in the end of 1980-es], in *Zvezda*. Sankt-Peterburg. 2011. № 3. Pp. 158–167 (in Russian).

Pravda (newspaper), Moscow. 1955. May 15.

Pravda (newspaper), Moscow. 1968.17 July.

Pravda (newspaper), Moscow. 1968.August 04.

Pravda (newspaper), Moscow. 1968.November 13.

Pravda (newspaper), Moscow. 1981. March 05.

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 2. Inv. 5. D. 342.

RGANI. F. 3. Inv. 103. D. 181.

RGANI. F. 89. Inv. 42. D. 48.

Russian State Archive of Social-Political History. F. 495. Inv. 255. D. 71.

Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 g. Dokumenty [The Soviet Union and the Hungarian Crisis of 1956. Documents] / ed. E. Orekhova, V. Sereda, A. Stykalin. Moscow: ROSSPEN publ., 1998. 864 p. (in Russian).

Stykalin A.S. O nekotorykh veyaniyakh sovremennoi rossiiskoi istoriografii v traktovke roli Zapada v vostochnoevropeskikh krizisakh vremen holodnoi voyni [About some new tendencies of contemporary Russian historiography in the interpretation of Western role in the Eastern-European crises in the Cold War period], in *Istoria* (electronic academic and educational magazine). 2014. № 2(25).

Stykalin A.S. Problema effektivnosti funktsionirovaniya Kominforma I motivyi ego rozpiska v kontexte otnoshenii SSSR I stran sovetskogo bloka s Yugoslaviei, 1949–1956 [The Problem of the Effectiveness of the Functioning of the Cominform and the Motives of its Dissolution in the Context of the Relations of the USSR and the Countries of the Soviet Bloc with Yugoslavia, 1949–1956], in *Slavyanovedenie*. 2014. № 1. Pp. 12–29 (in Russian).

Stykalin A.S. Rukovodstvo KPSS v poiskah novykh mehanizmov vliyaniya na mirovoe kommunisticheskoe dvizhenie. Ot Kominformbiuro k pervomu bolshomu moskovskomu soveschaniui kompartii (vesna 1956 g.–oseny 1957 g.) [The CPSU Leadership in search of the new influence mechanisms on the World Communist Movement. From Cominformbeureu to the first broad Moscow conference of Communist parties (spring 1956–autumn 1957)], in *Mezhdunarodnyie soveschaniya predstavitelei kommunisticheskikh i rabochih partii v Moskve (noyabry 1957 g.)* [International Conferences of the representatives of the Communist and Workers Parties in Moscow (November 1957)]. M.: ROSSPEN publ., 2013. Pp. 5–51 (in Russian).

Yakovlev A.N. *Perestroika. 1985–1991*. Neizdannoe, maloizvestnoe, zabyitoe [Reconstruction. 1985–1991. Unpublished, poorly known, forgotten]. M.: International Democracy Foundation publ., 2008. 867 p. (in Russian).

Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőikkel. Dokumentumok az egykori SzKP és MSzMP archívumaiból, 1985–1991 [Gorbachev's talks with the Hungarian leaders. The Documents

from the former CPSU and HSWP archives, 1985–1991], ed. by M. Baráth, J.M. Rainer. Bp.: 1956-os Intézet publ., 2000. 368 p. (in Hungarian).

Muszátov V. Moszkva és 1956. Viták 1989–1990 között a Szovjetunióban [Moscow and 1956. The discussions of 1989–1990 in the USSR], in *História*. Bp., 1997. № 8. Pp. 10–13 (in Hungarian).